

В. В. ГАЛКИН

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ЧАРТИЗМА

Эпоха чартизма являет собой замечательную страницу в истории английского рабочего класса. Огромное значение чартистского движения заключается в том, что это было первое самостоятельное, политически оформленное движение широких народных масс, отмеченное печатью подлинно пролетарского, революционного духа. Впервые английский рабочий класс, поддержанный другими угнетенными слоями населения, поднялся под знаменем Хартии на борьбу против существующей политической системы.

Опыт борьбы чартистов послужил для Маркса и Энгельса ценнейшим материалом при создании научной теории классовой борьбы пролетариата. Уже в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» Энгельс указывал на то, что «чартизм есть концентрированная форма оппозиции против буржуазии», что «в чартизме... против буржуазии поднимается весь рабочий класс, нападая прежде всего на её политическую власть, на ту стену законов, которой она себя окружила»¹. Революционный дух чартистского движения, его ярко выраженный классовый, пролетарский характер привлекали и будут привлекать советских и прогрессивных зарубежных историков.

В числе работ по истории чартизма, написанных советскими историками в последнее время, обращает на себя внимание статья Б. А. Рожкова «К вопросу об организации английских рабочих в партию чартистов»². В ней поставлены важные вопросы, от выяснения которых во многом зависит понимание истории чартистского движения.

Б. А. Рожков, анализируя интересный материал, почерпнутый прежде всего из чартистской прессы («Northern Star», «Notes to the People» и «People's Paper»), показал основные направления теоретической мысли передовых борцов чартистской партии. Рассмотрение вопроса о мирном (парламентском) пути завоевания политической власти рабочим классом Англии, хотя и страдает, на наш взгляд, известной односторонностью, тоже представляет интерес.

Однако статья Б. А. Рожкова содержит, как нам кажется, и ряд серьезных недостатков, мимо которых нельзя пройти. Главным из них является преувеличение автором идейной и организационной зрелости чартизма на всех этапах развития этого движения.

Б. А. Рожков пытается доказать, что «Национальная чартистская ассоциация» с самого своего возникновения представляла собой самостоятельную политическую рабочую партию. Он исходит при этом из того, что «основным признаком самостоятельности политической рабочей партии является признание ею в качестве главной цели своей борьбы ниспровержения господства буржуазии и завоевания пролетариатом политической власти для социального освобождения трудящихся (организации социалистического общества)» (стр. 111). Прочитываемая фраза является, по сути дела, перефразировкой слов В. И. Ленина: «Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых дол-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 451—452.

² См. «Новая и новейшая история», 1959, № 3, стр. 109—122. Далее ссылки на эту статью даются в тексте.

жен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества»³. Но, как известно, В. И. Ленин этим не ограничивался. Он неоднократно указывал, что первым признаком не только самостоятельности рабочей партии, но и самого факта существования такой партии является слияние рабочего движения с научным социализмом⁴.

Суть проблемы в том и состоит, что должен быть дан ответ на вопрос: являлась ли «Национальная чартистская ассоциация» воплощением такого синтеза рабочего движения с научным социализмом?

По мнению Б. А. Рожкова, «анализ Хартии, петиций чартистов с требованием утверждения Хартии законом страны, программы 1851 г. и других документов чартизма» показывает, что чартисты преследовали цель «завоевания пролетариатом политической власти для социального освобождения трудящихся (организации социалистического общества)» (стр. 111).

Однако анализ Хартии отнюдь не свидетельствует о том, что в ней была заложена идея социализма. В противном случае вряд ли был бы возможен многолетний союз радикальной буржуазии и рабочих на базе совместной борьбы за Хартию (вплоть до середины 1842 г.). Хартия, писал Маркс, не содержит «в себе ничего, кроме требования *всеобщего избирательного права* и тех условий, без которых всеобщее избирательное право было бы иллюзорным для рабочего класса»⁵.

Революционное значение лозунга всеобщего избирательного права заключалось в том, что в тогдашних условиях его неизбежным результатом было бы политическое господство рабочего класса. Это и позволило Марксу говорить о том, что «введение всеобщего избирательного права в Англии было бы в гораздо большей степени социалистическим мероприятием, нежели любое другое мероприятие, которому на континенте присваивается это почетное имя»⁶.

Но данное высказывание Маркса не может служить основанием для того, чтобы считать «Народную хартию» социалистическим документом. Маркс и Энгельс не раз подчеркивали, что введение всеобщего избирательного права еще не будет означать установления в Англии социализма, а лишь расчистит почву для развертывания революционной борьбы пролетариата за социализм. «Настоящее революционное движение,— писали они в 1850 г.— может начаться в Англии лишь тогда, когда будет проведена хартия, подобно тому как во Франции июньская битва стала возможна лишь после того, как была завоевана республика»⁷.

В первой петиции 1838 г. петиционеры, требуя принятия Хартии, указывали, что она нужна не только для того, чтобы облегчить бремя налогов с населения, установить справедливое вознаграждение рабочим за их труд, отменить законы, удорожающие продукты питания, но и для того, чтобы «капитал предпринимателя не лишался больше своей правомерной прибыли» (буквально: «That the capital of the master must no longer be deprived of its due reward») и чтобы «прочность престола и мира в королевстве более не подвергалась серьезной опасности» (буквально: «That it cannot long continue without very seriously endangering the stability of the throne and the peace of the Kingdom») ⁸.

Во второй петиции 1842 г. чартисты, как известно, выдвинули требование уничтожения монополий избирательного права, бумажных денег, владения машинами, землей, монополии прессы, религиозных привилегий и т. д. Однако и здесь конечные социальные цели выражены лишь в очень туманной форме, в виде стремления к «счастью всего народа». Более конкретно конечная цель борьбы чартистов была сформулирована одним из видных чартистских деятелей несколькими месяцами позже в следующих словах: «Мы хотим сохранить собственность, ввести справедливые законы, благодаря которым все богатства земли должны быть справедливо распределены. Поэтому мы хотим уничтожить классовое законодательство»⁹.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 159.

⁴ См. там же, стр. 236.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 361.

⁶ Там же, стр. 362.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 473.

⁸ G. D. H. Cole, Filson. British Working Class Movement. Select Documents 1789—1875. London, 1951, p. 353—355.

⁹ «Northern Star», 21.V.1842, p. 4.

Таким образом, тот общественный строй, который в то время смутно вырисовывался перед взором чартистов, должен был покоиться на сохранении частной собственности на средства производства, наемного труда, буржуазии и пролетариата. Вместе с тем чартисты считали, что несправедливое отношение капитала к труду, несправедливое распределение продуктов труда и противоположность классовых интересов должны быть уничтожены. Будущее законодательство мыслилось чартистами как законодательство в интересах «труда и капитала»¹⁰.

Единственным документом, ярко отразившим социалистические устремления чартистов, является программа 1851 г. Но нужно иметь в виду, что эта чартистская программа появилась в тот исторический момент, когда массового чартистского движения, на базе которого только и могла возникнуть действительно революционная рабочая партия, уже не было, а сама «Национальная чартистская ассоциация» превратилась в незначительную группу приверженцев Хартии, которые в большой степени утратили к тому же былую политическую активность.

Мы располагаем некоторыми фактическими данными о численности чартистской ассоциации в 1842 г. и в 1851—1852 гг. Их сравнение весьма показательно. Так, если количество членов «Ассоциации» в мае 1842 г. достигло 40 тыс., а в июне 50 тыс. человек¹¹, то в 1851 г. число членов было немногим более 2 тыс., а в 1852 г.— 1,5 тыс. человек¹².

С точки зрения теории научного социализма программа 1851 г. имела существенные недостатки. В ней, как известно, не было дано теоретического обоснования неизбежности гибели капиталистического строя и замены его строем социалистическим, что было сделано Марксом и Энгельсом уже в «Манифесте Коммунистической партии». Намечая мероприятия по перестройке народного хозяйства на социалистических началах, чартисты не говорили о национализации крупной промышленности и предлагали ограничиться мирными и легальными методами борьбы за социальные преобразования, в то время как Маркс, по словам Энгельса, «никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»»¹³.

Между тем путь мирной конкуренции одной социальной системы с другой, провозглашенный в программе, при котором не должно быть места революционному насилию по отношению к представителям класса капиталистов, являлся, по мнению чартистов, единственно возможным для Англии. «Истинные демократы,— писал Джонс весной 1852 г.,— понимают, что взрывы и конфискации имущества богатых являются жестокими и менее всего эффективными мерами. Такие меры применимы только в таких странах, как Франция, Германия, Италия и др., где неисчислимое количество штыков поставлено в качестве непреодолимого барьера на пути общественного прогресса и где сила штыков должна быть сломлена раньше, чем законы страны могут быть подвергнуты видоизменению. Но подобные методы борьбы излишни в такой стране, как Англия, где сила штыков слаба, а народ силен, где для нас обеспечен надежный и верный путь не только для осуществления социальных прав без насилия и взрывов, но и для создания условий их длительного и неизбежного существования»¹⁴.

Необходимость мирного, легального пути перехода от капитализма к социализму в Англии Джонс обосновывал стремлением избежать принудительной экспроприации и конфискации частной собственности, а также опасностью разрушения производительных сил страны в случае революционного взрыва. В этом, безусловно, сказались незрелость и ограниченность теоретической мысли даже передовых лидеров чартизма по сравнению с научной теорией Маркса и Энгельса. «Демокра-

¹⁰ «Northern Star», 5.III.1842.

¹¹ См. «Northern Star», 11.VI.1842.

¹² См. G a m m a g e. History of the Chartist Movement, 1898, p. 358; «People's Paper», 21.VIII.1852, p. 4. Обоснованием двух последних цифр являются результаты голосования при выборах в Исполнительный комитет в том и другом году. В 1851 г. за первого кандидата, получившего наибольшее число голосов, было подано 1805 голосов, за получившего наименьшее — 709, в 1852 г. за первого — 922, за последнего — 20. 21 августа 1852 г. в «People's Paper» сообщалось, что при регистрации членов «Ассоциации» к моменту выборов было выдано всего 1500 удостоверений.

¹³ К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1950, стр. 32.

¹⁴ «People's Paper», 3.VII.1852, p. 1, col. 1.

тия¹⁵, — указывал Энгельс, — была бы совершенно бесполезна для пролетариата, если ею не воспользоваться немедленно, как средством для проведения широких мероприятий, непосредственно посягающих на частную собственность и обеспечивающих существование пролетариата»¹⁶.

Если авторы «Манифеста Коммунистической партии» указывали, что «политическая власть в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого»¹⁷, то политический режим, который был предусмотрен в программе 1851 г. и который должен был быть установлен посредством проведения Хартии, получил в статье Э. Джонса в 1852 г. следующую интерпретацию: «Хартия вовсе не означает суверенитет только лишь одного рабочего класса, а означает суверенитет всех классов, слитых в единую массу под названием народ»¹⁸.

Таким образом, идея диктатуры пролетариата — главное содержание теории научного социализма Маркса и Энгельса — не была понята еще в 1852 г. даже таким передовым чартистским деятелем, как Джонс.

На основе этих фактов следует сделать вывод, что ни Хартия, ни петиции, ни даже программа 1851 г., в которой нашли отражение некоторые идеи «Манифеста Коммунистической партии», не являются документами научного социализма.

Б. А. Рожков, отмечая, что «революционная программа определила и революционные методы борьбы чартистов за Хартию» (стр. 118), преувеличивает, как нам кажется, революционность авторов второй петиции. Предупреждая правительство о возможности революции, они вместе с тем подчеркивали свое «почтение и лояльность» по отношению к короне¹⁹.

Нельзя забывать и то, что лозунг, выдвинутый чартистами в 1839 г. «Мирным путем, если возможно; насильственным — если иначе нельзя», не осуществлялся чартистскими вождями на практике в те критические моменты, когда настроение масс было действительно революционным. Об этом свидетельствует, например, всеобщая забастовка рабочих в августе 1842 г., когда чартисты не сумели возглавить борьбу рабочих и последние, не имея перед собой ясной цели, потерпели поражение²⁰. Это же подтверждается и тактикой О'Коннора в 1848 г.²¹

Нам представляется, что революционные методы борьбы чартистов проявлялись не в чартистских петициях, носивших в целом благонамеренный и мирный характер, а прежде всего в практической борьбе широких народных масс за Хартию. Известно, что рабочие были настроены более революционно и шли в этой борьбе, как правило, дальше своих вождей, составлявших петиции.

Таким образом, внимательный анализ тех чартистских документов, опираясь на которые Б. А. Рожков стремится обосновать свой тезис о наличии у рабочего класса Англии в эпоху чартизма самостоятельной рабочей партии, не только не подтверждает, а, наоборот, опровергает основную мысль автора.

Следует напомнить о том, что В. И. Ленин, анализируя борьбу Маркса и Энгельса за пролетарскую партию, указывал: «Между Марксом и Виллихом в 50-х годах, между бланкистами и марксистами в 60-х годах спор шел... не о «возрождении» рабочей партии, ибо нельзя было тогда и спорить о возрождении того, чего *до тех пор* не было вовсе. Оба спора велись именно о том, нужна ли вообще *рабочая* партия, опирающаяся на *рабочее* движение, *классовая* партия»²². В. И. Ленин имел в виду и Англию, считая, что и чартисты не являлись самостоятельной рабочей партией. Сами чартисты никогда не называли свою организацию рабочей партией^{22а}.

Мы не можем согласиться и с той периодизацией истории чартизма, которую дает в своей статье Б. А. Рожков. Совершенно непонятно, например, почему автор,

¹⁵ Энгельс употребляет термин «демократия» по отношению к Англии в смысле политического господства пролетариата.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 332.

¹⁷ Там же, стр. 447.

¹⁸ «People's Paper», 8.V.1852, № 1, p. 1, col. 2.

¹⁹ «Northern Star», 16.X.1841, p. 4.

²⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 456.

²¹ См., напр., «Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 153

²² В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 129.

^{22а} «People's Paper», 8.V.1852, № 1, p. 4. col. 2.

рассматривая вопрос «с точки зрения развития сознательности чартистов» (стр. 111), доводит первый период только до 1840 г. С этой точки зрения переломным является не 1840, а 1842 г. Только на опыте всеобщей стачки в августе 1842 г. рабочие, с одной стороны, и буржуазные радикалы, с другой, убедились в том, что их классовые интересы в области борьбы за всеобщее избирательное право взаимно противоположны. Рабочие, стихийно поднявшись против капиталистической системы наемного труда и сражаясь за Хартию, надеялись, что с введением всеобщего избирательного права этой системе наступит конец, что они получат свою долю из общего национального дохода страны, улучшат свое материальное положение и станут независимыми от своих хозяев. В то же время буржуазные радикалы хотели посредством всеобщего избирательного права сосредоточить всю полноту политической власти в своих руках и увековечить систему наемного капиталистического рабства.

Вызывает возражения и то, что концом второго периода автор считает 1844 г. Определенным рубежом в чартистской истории является не 1844, а 1848 г. После поражения чартистов, 10 апреля 1848 г., начался спад массового чартистского движения в Англии. Но вместе с тем после 1848 г. в политической и социальной программе чартистов нашли отражение некоторые идеи «Манифеста Коммунистической партии». Поэтому как раз «с точки зрения развития сознательности чартистов» конец 40-х и начало 50-х годов следовало бы выделить в особый, третий период истории чартизма, начинающийся с 1848 г.

Б. А. Рожков указывает, что «начало борьбы за соединение чартистского движения с пролетарским социализмом и являлось началом нового периода в развитии чартизма» (стр. 111). Пролетарский социализм и марксизм—бесспорно понятия идентичные. Исходя из этого, Б. А. Рожков приводит многочисленные примеры, свидетельствующие о борьбе Маркса и Энгельса за «внедрение выработанного ими мировоззрения в сознание пролетариата» (там же), рассказывает о личных связях Маркса и Энгельса с чартистами, об их сотрудничестве в чартистской прессе, стремлении привлечь чартистов к участию в международных рабочих организациях и т. д.

Однако известно, что в 1844—1848 гг. чартисты руководствовались не принципами научного социализма, а их социальная пропаганда развивалась под знаком узкого практицизма, главным образом борьбы за осуществление земельного плана О'Коннора. Этот проект — посадить рабочих на землю, хотя и сыграл в 40-х годах известную положительную роль в организации борьбы масс против крупных земельных монополий, был в своей основе не только утопическим, но и реакционным, так как исходил из сохранения и увековечения принципов мелкой частной собственности. План О'Коннора не соответствовал общему историческому развитию Англии, росту ее промышленности и сельского хозяйства, когда все более остро обнаруживалась тенденция к концентрации капитала, усиливалась конкуренция, приводившая к разорению мелкого производства и победе крупного. О'Коннор же, вопреки этим объективным факторам, хотел повернуть ход истории вспять, вернуться к старой, давно изжившей себя системе мелкого землевладения, которой был уже нанесен смертельный удар развитием капитализма в сельском хозяйстве²³.

Мелкобуржуазность социально-политических взглядов чартистов этого периода проявлялась и в других вопросах. Так, например, выступая на одном из митингов перед рабочими в июле 1847 г., Э. Джонс отстаивал следующие мероприятия: 1) поощрение и расширение системы мелкой собственности, 2) отделение церкви от государства, 3) возвращение части церковной собственности народу, 4) добровольная система образования, 5) упразднение нового закона о бедных, 6) отмена законов о первородстве и майорате, 7) отмена законов об охоте, 8) установление системы прямого налогового обложения, 9) всемерное развитие принципов свободной торговли²⁴.

Выдвигая эти требования, не выходявшие по существу за рамки требований радикальной буржуазии того времени, Джонс указывал на то, что они будут осуществлены, когда Хартия станет законом страны, т. е. он мыслил их как программу деятельности будущего чартистского правительства. Правда, эти требования отличались

²³ См. об этом К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 458—459; т. 7, стр. 472—473.

²⁴ См. «Northern Star», 3.VII.1847, p. 1.

глубоко демократическим характером и их осуществление имело бы большое значение. Но совершенно очевидно, что их никак нельзя считать социалистическими.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что нет достаточных оснований для утверждения, будто в 1844 г. начинается процесс «соединения чартистского движения с пролетарским социализмом». Разъяснение Б. А. Рожкова (в подстрочном примечании на стр. 113), что в период с 1844 по 1854 г. не произошло полного «соединения» чартистского движения с марксизмом, а имело место лишь «сближение» между ними, едва ли меняет дело. Мы уже показали, что в области социальных проблем, по крайней мере до 1848 г., не было ни «соединения», ни «сближения» чартизма с марксизмом. Не было такого «сближения» и после 1848 г., если даже иметь в виду программу 1851 г., так как, с одной стороны, программа не являлась в строгом смысле слова документом научного социализма, а с другой стороны, в эти годы уже не было массового чартистского движения.

Историческое значение чартизма заключается прежде всего в том, что чартисты сумели сплотить вокруг своей политической программы широкие массы английского рабочего класса. Чартизм в огромной степени способствовал осознанию английским пролетариатом своих интересов как класса. Выдвинутая чартистами идея борьбы за овладение пролетариатом политической властью в стране была впоследствии развита Марксом и Энгельсом и явилась одним из важнейших элементов их революционного учения.

Но в то же время необходимо подходить к оценке чартизма, прежде всего его социальной программы, учитывая всю совокупность сильных и слабых сторон этого движения. Оно носило на себе отпечаток той исторической эпохи, когда классовое самосознание пролетариата только еще складывалось, а марксизм лишь начал пробивать себе дорогу в международном рабочем движении.

Когда в 30—40-х годах XIX в. рабочий класс Англии развернул энергичную борьбу за свое политическое освобождение под знаменем Хартии, он не имел еще научно обоснованной теории. В этом была его слабость. Без научного социализма не могла возникнуть и подлинно революционная рабочая партия. Когда же в начале 50-х годов передовые чартистские идеологи приблизились к пониманию некоторых вопросов теории научного социализма (это нашло свое отражение в программе 1851 г.), они фактически оказались в положении офицеров без армии, так как широкое массовое движение за Хартию уже прекратилось, чартизм в силу ряда глубоких социально-экономических причин клонился к упадку. Следовательно, и в этот период в Англии не существовало объективных условий для создания самостоятельной рабочей партии.

Маркс и Энгельс неоднократно отмечали неравномерность развития идеологии пролетариата в процессе его формирования. Это относится и к идеологии чартистов. Если ряд особенностей исторического развития Англии позволил наиболее передовым деятелям чартизма в конце 40-х — начале 50-х годов прийти к выводу о необходимости создания самостоятельной рабочей партии и о преобразовании общества на новой основе, то все же в конкретных планах преобразования общества чартизм не поднялся до уровня научного социализма, а без этого действительно революционная рабочая партия не могла возникнуть.

«Направление социализма к слиянию с рабочим движением,— писал В. И. Ленин,— есть главная заслуга К. Маркса и Фр. Энгельса: они создали такую революционную теорию, которая объяснила необходимость этого слияния и поставила задачей социалистов организацию классовой борьбы пролетариата»²⁵.

²⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 236.